

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА
В ОБЕСПЕЧЕНИИ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ СВОБОД

Л. КОНСТАНЦ – канд. экон. наук, Центр экономических исследований НАН КР

Мнение, что политика и экономика почти не взаимосвязаны, имеет еще достаточное распространение. Полагают, что личная свобода - это вопрос политический, а материальное благополучие - экономический, и в связи с этим возможны различные комбинации одного политического строя с каким-то экспериментальным экономическим. Именно отсюда возникают теории «особых», «специфических» путей развития для наших действительно не имеющих аналогов стран бывшего СССР. В то же самое время в нашем гиперполитизированном обществе получает все большее понимание факт, что между экономикой и политикой существует тесная взаимосвязь, при которой возможны лишь определенные комбинации политического и экономического устройства общества.

Экономическое устройство способствует развитию общества в двойной роли. С одной стороны, свобода экономических отношений сама по себе есть составная часть свободы в широком смысле, поэтому экономическая свобода есть самоцель. С другой стороны, экономическая свобода - это также необходимое средство достижения свободы политической.

Первую из этих двух ролей экономической свободы следует подчеркнуть особо, ибо у интеллектуалов имеется сильное предубеждение против того, чтобы придавать этому аспекту свободы большое значение. Они, по мнению М.Фридмана¹, склонны концентрироваться на проблемах более высокого порядка, нежели материальная сторона жизни. Несостоятельность этой позиции проиллюстрируем следующим примером. В «советское» время множество

людей стремились «заглянуть за железный занавес», многие мечтали эмигрировать. Сделать это было чрезвычайно трудно - не было соответствующих политических свобод. Сейчас этот барьер практически разрушен - наши люди могут беспрепятственно посещать многие страны мира. Но в то же время большинство людей не могут себе этого позволить из-за проблем экономических. Для них несвобода политическая сменилась несвободой экономической. Но суть осталась прежней - они не могут посетить другую страну или эмигрировать из своей. Очевидно, экономическая свобода сама по себе есть наиважнейшая часть общей свободы.

Экономическое устройство, если смотреть на него как на средство достижения политической свободы, весьма важно из-за своего влияния на концентрацию и рассредоточение власти. Экономическая организация, которая предоставляет экономическую свободу, непосредственно способствует также и умножению политической свободы, ибо она отделяет экономическую власть от политической и таким образом позволяет одной служить противовесом другой.

Взаимоотношения между политической и экономической свободами никоим образом не так просты или односторонни. Они сложны и многогранны. В начале 19-го века Бентам и философские радикалы были склонны рассматривать политическую свободу как средство достижения свободы экономической. По их мнению, будь у населения политическая свобода выбора, оно путем голосования выберет себе наилучший экономический порядок. Действительно, вслед за крупными политическими преобразованиями того времени последовали существенные экономические реформы, резко повысившие благосостояние масс.

За торжеством бентамовского либерализма в Англии 19-го века последовала реакция в виде усиления правительственного

¹ Гл.1 из кн.: М.Фридман. *Капитализм и свобода/ Пер. с англ. В.Козловского и А.Гальперина (Chalidze Publications, New York, 1982).*

вмешательства в экономическую сферу. И в Англии, и в других странах эта тенденция к коллективизму была резко ускорена двумя мировыми войнами. Господствующей заботой в демократических странах стало благосостояние, а не свобода. Распознав таящуюся в этом угрозу индивидуализму, интеллектуальные наследники философских радикалов Дайси, Мизес, Хайек и Саймонс и мн. др. опасались, что продолжение движения к централизованному контролю над экономической деятельностью окажется *Дорогой к рабству*, как назвал Хайек свой пронизательный анализ этого процесса. Они подчеркивали экономическую свободу как средство достижения свободы политической.

Таким образом, «количество» и «качество» свобод - как экономических, так и политических, напрямую связано со степенью государственного вмешательства в экономическую деятельность хозяйствующих субъектов, то есть с позицией и ролью государственных органов управления в хозяйственной деятельности страны.

Теоретический спор о «количестве» и «качестве» государственного вмешательства в рыночную экономику ведется практически постоянно. Всем известная теория «свободного саморегулирующегося рынка» с его «невидимой рукой», сыгравшая положительную роль в истории, дополняется современной теорией «государственного регулирования, усиливающего рыночный потенциал». Эта теория особенно активно дискутируется в последние годы (хотя она и не нова) и, по сути, является оппозиционной по отношению к теории саморегулирующегося рынка.

Последователи теории свободного рынка не без основания опасаются концентрации государственной власти, и, опираясь на примеры истории, доказывают, что усиление роли государственного управления в экономике, как правило, приводит к несвободам экономическим и политическим.

Сторонники теории усиления роли государства в управлении экономикой доказывают, что наиболее совершенно функционирование рыночных систем в странах с активным государственным регулированием рыночного механизма.

Суть обеих теорий - определение оптимальных пределов государственного вмешательства в экономику.

Оптимальным, на наш взгляд, явля-

ется соотношение (свобод и государственного вмешательства), обеспечивающее реализацию четко определенных целей. Именно «под эти цели» должны создаваться институты государственного управления.

Конечно, одно дело - установить цель, которой какое-либо учреждение, в частности государственное, призвано служить, и совершенно иное - охарактеризовать те цели, которым это учреждение служит в действительности. Как показывает наша действительность, цели людей, ответственных за создание какого-либо учреждения, как правило, резко отличаются от целей тех, кто им руководит или там служит. И, что не менее важно и в то же время абсолютно естественно, полученные результаты также, как правило, существенно отличаются от планировавшихся.

Согласно «системе естественной свободы» Адама Смита, государю надлежит выполнять только три обязанности: во-первых, обязанность ограждать общество от насилия и вторжений других независимых обществ; во-вторых, обязанность ограждать, по мере возможности, каждого члена общества от несправедливости и угнетения со стороны других его членов, или обязанность установить строгое и беспристрастное отправление правосудия; в-третьих, обязанность создавать и содержать определенные общественные учреждения, создание и содержание которых не может быть в интересах никаких отдельных лиц или небольших групп.

Первые две обязанности государства просты и недвусмысленны: это защита членов общества от принуждения со стороны своих сограждан и извне. Если мы не защищены от принуждения, мы не обладаем реальной свободой выбора.

Одна из важнейших задач в построении и сохранении свободного общества заключается именно в том, чтобы найти способ обеспечить такое положение, когда полномочия применять насилие, предоставленные государству для того, чтобы защищать свободу, остаются в рамках именно этой функции и не могут превратиться в угрозу этой же свободе.

Вторая обязанность государства, определенная А. Смитом, включает в себя «строгое и беспристрастное отправление правосудия». Любая добровольная сделка, отличающаяся хоть какой-то сложностью или

распространяющаяся хоть на сколько-нибудь продолжительный промежуток времени, может стать источником неясности и двусмысленных толкований. Поэтому должен существовать хоть какой-то метод посредничества в деле разрешения спорных вопросов. Такое посредничество само по себе может быть добровольным и не требует участия государственных органов. Например, в США большинство спорных вопросов, касающихся коммерческих контрактов, разрешается при помощи частных арбитражных организаций, выбираемых в соответствии с заранее установленной процедурой. Чтобы удовлетворить спрос на эти услуги, в стране выросла целая система частных судебных органов. Однако в качестве судов последней инстанции выступают суды, относящиеся к государственной судебной системе.

Именно неразвитость нашей судебной системы как органа исполнительной власти, принуждающего членов общества выполнять установленные «правила игры» и принятые на себя обязательства, по нашему глубокому убеждению, является одной из основных причин невыполнения законов и заключаемых контрактов. Именно по этой же причине в стране не заключается большое количество потенциально возможных сделок - их выполнение никто не гарантирует, а в случаях возникновения проблем хозяйствующие субъекты республики зачастую обращаются не в правоохранительные органы, а к услугам криминальных структур.

Реальность такова, что даже при наличии достаточно комплектной нормативно-правовой базы, в определенной степени отвечающей потребностям нового времени, правоохранительные органы республики фактически и не являются, и не считаются гарантами соблюдения законности в стране. Практика, исследования, опросы населения свидетельствуют о том, что суды, по сути, являются лишь инструментами, выразителями интересов отдельных влиятельных лиц и/или группировок¹. Как очень

---

¹ *Экспертный опрос предпринимателей, проведенный «Проектом коммерческого права» USAID - группой IRIS в Кыргызстане в 1996 г., анализ решений судебных разбирательств, публикаций в периодике и на местном телевидении (в частности, пример судебных разбирательств «великолепной семерки» депутатов).*

точно отметил английский юрист Тони Шеа, «в Кыргызстане ни один юрист не может быть уверенным ни в чем... Решение, которое будет вынесено в суде, зачастую зависит лишь от судьи, ведущего дело... Естественно, в такой ситуации никакой иностранный инвестор деньги в экономику республики вкладывать не будет»².

Существование свободного рынка не снимает, разумеется, необходимости правительства и государственного регулирования экономики. Напротив, правительство необходимо и как форум для определения «правил игры», и как арбитр, толкующий установленные правила и обеспечивающий их соблюдение. В выполнении этой функции роль государства в новых условиях должна неизмеримо возрасти.

Третья обязанность государства, определенная А. Смитом, приводит к наиболее трудным проблемам. Сам Адам Смит считал, что она затрагивает лишь некоторый узкий круг приложений, но с тех пор на нее неоднократно ссылались, когда требовалось подвести базу под самые разнообразные правительственные мероприятия. Свободная интерпретация этой функции может послужить оправданием безграничного расширения власти государственных органов управления. Как мы все хорошо знаем, и в «советское время», и после него, все, что ни делают правительственные чиновники и депутаты, они делают «во имя народа и для него». Хотя на самом деле все понимают, что руководствуются они при этом единственным принципом: «Хочешь спастись сам, спасай общество». Ведь любое усиление власти, с какой бы целью оно не осуществлялось, увеличивает, как мы знаем, опасность того, что вместо служения большинству граждан, она все более отделяется от управляемой системы, превращаясь в самостоятельную корпоративную иерархию с собственными корпоративными интересами, целями саморазвития и извлечения выгод от положения.

Но неверна также и установка, принятая в начале реформенного периода, когда государство, по сути, самоустранилось от проблем экономических субъектов. Рынок действительно резко сужает круг вопросов,

---

² *Право и предпринимательство. - 1997. - Февраль. - С. 7- 11.*

которые нужно решать политическими средствами, и таким образом сводит к минимуму необходимость прямого правительственного участия в игре. Характерная особенность действия, предприняемого через политические каналы, состоит в его тенденции требовать или навязывать значительное единообразие. Рынок, в свою очередь, отличается тем, что допускает большое разнообразие. Говоря языком политики, он представляет собой систему пропорционального представительства. Каждый, по выражению Фридмана, может проголосовать за цвет своего галстука; и ему нет нужды заботиться о том, какие цвета предпочитает большинство, и подчиняться, если он окажется в меньшинстве¹.

Говоря о том, что рынок представляет экономическую свободу, мы имеем в виду именно эту его особенность. Однако значение ее простирается далеко за пределы чисто экономической сферы. Политическая свобода означает отсутствие принуждения одних людей другими. Основную угрозу свободе представляет сила принуждения, будь она в руках монарха, диктатора, олигархии или сиюминутного большинства. Сохранение свободы требует максимально возможного устранения такой концентрации власти и рассредоточения и распыления той власти, устранить которую не представляется возможным, т.е. взаимозависимости и взаимограничения законодательной, исполнительной и судебной власти. Изымая организацию экономической деятельности из-под контроля политической власти, рынок устраняет этот источник принуждающей власти. Он позволяет экономической мощи сделаться ограничителем политической власти, а не ее крепителем.

Экономическая власть может быть широко рассредоточена. Политическую власть децентрализовать сложнее. Небольших самостоятельных правительств может существовать множество. Однако куда сложнее иметь целый ряд равносильных центров политической власти внутри одного большого правительства, чем множество центров экономической власти в рамках одной большой экономики.

---

¹Гл.1 из кн.: Фридман М. *Капитализм и свобода*/ Пер. с англ. В.Козловского и А.Гальперина (Chalidze Publications, New York, 1982).

В настоящее время мы усиленно ищем «свой» оптимальный вариант структуры государственной власти. Структуры, которая обеспечивала бы действительно демократические свободы - как экономические, так и политические и способствовала бы развитию, а не стагнации экономики. К сожалению, делаем мы это, что называется, «методом тыка», т. е. методом проб и ошибок. К сожалению, наши политики не обращаются к действительно научным теоретическим обоснованиям, проверенным многолетней практикой. В процессе принятия решений они в них, видимо, не нуждаются.

«Наше общество таково, каким его делаем мы сами. Мы сами можем определять форму и структуру наших общественных институтов. Разумеется, при этом многообразие доступных нам возможностей ограничено как чисто техническими факторами, так и особенностями человеческой природы - однако ничто не может воспрепятствовать нам (если мы действительно этого хотим) в построении общества, опирающегося в организации экономической и иных видов деятельности прежде всего на принцип добровольного сотрудничества. Только от нас самих зависит создание такого общества, которое охраняет и расширяет свободу человеческой личности, не допускает чрезмерного расширения власти государства и следит за тем, чтобы правительство всегда оставалось слугой народа и не превращалось в его хозяина»².

---

² Фридман М./*Могучая рука рынка*. - Гл.1 из кн.: Milton & Rose Friedman, *Free to Choose*, Harcourt Brace Jovanovich, New York, 1982.